

Чэн Баоя с изумлением повернулась к начальнику, ощущая неловкость, словно её только что при всех опозорили на улице. Вчера начальник ещё велел Чэн Баоли уйти и подумать над своим поведением, а сегодня вдруг снова заговорил о ней. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но начальник поднял руку, останавливая её, и прямо сказал:

— Ладно, возвращайся в цех.

Чэн Баоя и Чэн Баоли вместе вышли из кабинета начальника. Баоли, не оглядываясь на сестру, сразу направилась в сторону цеха. Её слегка приподнятый подбородок выдавал её нынешнее удовлетворённое настроение. Баоя, догнав её сзади, с выражением злости дернула её за руку и спросила:

— Ты что-то сказала начальнику?

— Что я могла сказать?

Баоли, никогда прежде не чувствовавшая себя так уверенно, смотрела на сестру, избавившись от былой неуверенности. Она подняла подбородок и продолжила:

— Мне и говорить нечего! Ты сама прекрасно знаешь, что вчера произошло. Что, начальник тебя только один раз поругал, и ты уже недовольна? Вчера, когда мы ссорились, ты ведь быстро находила слова! Пойди, скажи ему ещё!

Чэн Баоя смотрела на Баоли, словно перед ней был совсем другой человек. Вчера они ссорились, а сегодня Баоли её высмеивала. Это была Баоли? Её сестра, которая всегда была тихой и не умела выражать свои мысли?

— Ты...!

— Что «ты»! — Баоли, видя, что вокруг никого нет, резко ответила, чувствуя невероятное удовлетворение.

Это было совсем не похоже на неё, но именно поэтому она ощущала себя комфортно с головы до ног. Это чувство словно подталкивало её, давая смелость и уверенность. Она посмотрела на Баоя и сказала:

— Хватит «тыкать»! Я всё ещё называю тебя сестрой, и прошу тебя больше не вести себя так высокомерно передо мной. Раньше я не обращала внимания, потому что была глупа! Но если ты снова будешь говорить глупости передо мной или перед нашим Яньяном, я тебе рот порву!

С этими словами Баоли развернулась и ушла, шагая так энергично, что её бёдра словно подпрыгивали. Баоя осталась стоять в растерянности, а затем, придя в себя, стала топтать ногами от злости. Это была её сестра? Это была Чэн Баоли? Её верная подруга, которая всегда её поддерживала? Чёрт возьми!

@

В последние дни Чэн Баоли словно стала другим человеком. Она улыбалась, чувствуя себя уверенно, и в заводе со всеми общалась с улыбкой. Работницы, с которыми раньше у неё были лишь поверхностные отношения, теперь могли поговорить с ней подольше, а те, кого она раньше не знала, теперь могли обменяться с ней парой слов. Она больше не была той замкнутой и нерешительной женщиной.

Хотя она ещё не была такой общительной, как Чэнь Линлин, было очевидно, что Баоли изменилась. После общения с Линлин она поняла, насколько была неуверенной в себе и слабой. Внешний мир был таким ярким и разнообразным, а она тратила время на мелкие ссоры, не имея ни широкого кругозора, ни больших возможностей.

Но теперь в её душе зарождалось что-то новое, словно семя, в котором скрывалась её тяга к внешнему миру и неудовлетворённость текущей жизнью.

Перемены Баоли и её общение с Линлин быстро повлияли на обе семьи. Линлин рассказывала Баоли о своих впечатлениях от внешнего мира, а Баоли учила её, как покупать продукты, стирать одежду, готовить и разжигать угольную печь для приготовления супа. Линлин, которая раньше не знала, как справляться с бытовыми делами, теперь могла сидеть у печи и менять уголь, а готовя суп с костями, она уже делала это с уверенностью. Эти изменения не остались незамеченными Хань Чжицзюнем, который был глубоко тронут тем, как Линлин поддерживала его в трудные времена.

Никто не ожидал, что постепенно жизни обеих семей начнут развиваться по совершенно иным траекториям.

Благодаря Линлин, Хань Чжицзюнь быстро сблизился с семьёй Баоли. После закрытия холодильного завода он переехал в этот небольшой уезд, чувствуя себя потерянным и одиноким. Он часто уходил из дома, потому что не мог сидеть на месте, но забота Линлин постепенно вернула ему уверенность. Теперь он оставался дома, проводя время с сыном и женой, а с Чжэн Пинем, соседом, они могли сидеть на балконе, курить и разговаривать.

В уезде Ланьань была популярна одна забава — игра в карты. Местный диалект называл её «беги быстрее», и Чжэн Пин был мастером в этом деле. Иногда обе семьи садились за стол с двумя колодами карт и могли играть до поздней ночи.

Сейчас погода становилась теплее, и Чжэн Пин с Баоли иногда брали с собой Чжэн Хайяна на прогулку в парк, который был недалеко. Теперь обе семьи ходили вместе. Чжэн Пин и Хань Чжицзюнь шли впереди, разговаривая и хвастаясь, а Баоли и Линлин, каждая со своим сыном, обсуждали бытовые вопросы. Баоли, привыкнув к Линлин, рассказала ей все свои семейные секреты, а Линлин, забыв о своём правиле «говорить только треть правды», активно обсуждала с Баоли, как справляться с её семейными проблемами. Две женщины нашли общий язык, и Баоли, слушая советы Линлин, всё больше убеждалась в их правильности, а Линлин, чем больше говорила, тем больше ценила искренность Баоли.

Конечно, Чжэн Хайян тоже сыграл свою роль катализатора. Под влиянием семьи он не был разговорчивым, но после своего перерождения он старался преодолеть этот недостаток. Дома он хвалил семью Хань Чжицзюня, говоря, что их сын милый, что тётя красивая и умная, а дядя — человек с большими возможностями и знаниями. Он постоянно нашептывал своим родителям, подталкивая их к тому, чтобы они сблизились с соседями, и отношения между семьями становились всё лучше.

Баоли рассказала Чжэн Пину о продаже чайных яиц у реки и об импортных автомобилях с Хайнаня. Пин сначала не поверил, говоря, что такие удачные сделки — это как манна небесная. Разве можно так легко заработать столько денег? Он считал, что это невозможно, и думал, что такие дела не для честных людей, ведь он был рабочим государственного завода, а рабочие — хозяева завода!

Баоли уже прозрела, но Пин ещё не понял, что к чему. Она злостно ударила его и с

возмущением воскликнула:

— Ну да, когда другие начнут заниматься бизнесом и через пять-десять лет будут жить в больших домах и ездить на дорогих машинах, ты хочешь, чтобы мы с Яньяном голодали?

Чжэн Пин замолчал, не находя, что ответить, и чувствовал себя неловко. Его мировоззрение ещё не изменилось. Услышав это, Чжэн Хайян подбежал к Линлин и сказал, что хочет прокатиться на машине дяди.

Линлин, ущипнув пухлую щёчку Хайяна, ответила:

— Это просто. Завтра дядя возьмёт тебя с собой.

На следующий день Хань Чжицзюнь предложил покатать обе семьи на машине. Чжэн Пин сел в четырёхколёсный автомобиль и проехался по улицам уезда, в конце концов признав, что машина намного удобнее трактора, и что деньги — это действительно хорошо.

Вернувшись домой, он невзначай спросил Хань Чжицзюня:

— Сколько стоит эта машина?

Хань Чжицзюнь, не задумываясь, выпалил:

— Около 100 000.

В ту ночь Чжэн Пин, отец Хайяна, ворочался в постели, не находя покоя.

@

На следующий день Баоли проснулась и, увидев явные «мешки под глазами» у Чжэн Пина, вместе с Хайяном рассмеялась.

Чжэн Пин лениво толкнул её ногой и пробормотал:

— Что, так смешно?

— Ой, ой, — Баоли каталась по кровати от смеха. — Ты бы посмотрел на своё лицо! Яньян, посмотри на папу, он стал большой пандой!

Хайян тоже рассмеялся. Он знал, что его отец был шокирован ценой машины Хань И. 100 000! Даже Хайян, вернувшийся из будущего, не ожидал, что в это время машина может стоить так дорого, не говоря уже об его отце. Утром Чжэн Пин не умылся, не почистил зубы и не позавтракал, а просто открыл окно, сел у окна и выкурил две сигареты.

<http://bllate.org/book/16484/1497859>